

**СВЕТЛАНА
ЛУБЕНЕЦ**

НЕ ПОЖЕЛАЙ
ЗЛА...

Светлана Анатольевна Лубенец

Не пожелай зла...

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39410096
Светлана Лубенец Не пожелай зла...:

Аннотация

Эта повесть полудетективная – полуфантастическая, с прихотливо закрученным сюжетом и очень важным выводом из происшедшего: никогда никому не желай зла даже в мыслях, потому что они материальны. В этом убедились девятиклассники, которые нашли в полуразрушенном доме старинный и весьма странный документ. Когда герои совершили магический ритуал, предлагаемый этим документом, с ними, их близкими и друзьями стали происходить ничем необъяснимые вещи. Одноклассники далеко не сразу догадались, что виною трагедий являются они сами. Как вернуть все назад? И возможно ли это?

Содержание

Глава первая. Кира	5
Глава вторая. Назар	14
Глава третья. Любашка	19
Глава четвертая. Коричневая папка	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Светлана Лубенец

Не пожелай зла...

© Светлана Лубенец

* * *

Глава первая. Кира

После последнего урока алгебры Кира зашла в спортзал – надо было предупредить учительницу физкультуры, что на тренировку по волейболу она не останется – сильно разболелась голова. Перед алгеброй Кира даже попросила таблетку анальгина у школьной медсестры. Таблетка абсолютно не помогла. Боль особенно настойчиво билась в правый висок и сумасшедшим дятлом долбила ей в самое ухо. Кира ежилась и пыталась прижать бедное ухо к плечу. Ей почему-то казалось, что от этого нелепого действия непременно полегчает, но легче не делалось.

Инна Анатольевна, учительница физкультуры, Кире посочувствовала и самым бодрым голосом выразила уверенность в том, что к следующей тренировке та непременно поправится. Кира согласно кивнула и отправилась в гардероб. Она специально шла медленно, чтобы как можно больше школьников уже успели одеться и уйти домой. Ей не хотелось толкаться в узком, заставленном вешалками пространстве, а потом одеваться в диком шуме, который в конце занятий обычно потрясает вестибюль.

Толкаться не пришлось. Школьного народа в вестибюле и гардеробе было немного, но гладкие высокие стены просторного полупустого помещения как-то особенно жестко отражали и усиливали любые звуки. Возможно, из-за головной

боли Кира просто все слишком остро воспринимала, но дело это не меняло. Девочка бросила полный ненависти взгляд на собственные мягкие балетки, которые сегодня с самым отвратительным чмоканьем зачем-то присасывались к гранитному полу и с не менее гадким отлипали от него. Ничего подобного раньше она за ними не замечала.

Кира сморщилась и вошла в гардероб. Две вешалки их 9-го «А» находились в его глубине у самой стены. На одной болтались две куртки дежурных, которые, видимо, все еще убирали класс. На другой – чье-то неопознанное Кирой яркое клетчатое пальто и родной ее бежевый пуховик, обнимающий рукавами пластиковый пакет с кроссовками. Девочка тут же решила, что переодевать балетки не будет, поскольку у нее точно лопнет голова или отвалится ухо, если она станет для этого дела наклоняться. До дома, который находится в двух шагах от школы, в балетках можно было бы добежать и по снегу, если бы он был. Февральский ветер уже несколько дней назад сдул с земли и асфальта весь снег и унес его в неизвестном направлении. Пуховик, конечно, надеть придется, даже сразу с капюшоном, поскольку противно и думать о том, как в несчастное ухо на улице задует этот противный ветер.

Кира сняла с вешалки пуховик и еще раз сморщилось. Каждое движение усиливало боль. Девочка постаралась не слишком размахивать руками, вдевая их в рукава, с трудом застегнула молнию, натянула на лоб капюшон и хотела до-

стать из кармана пояс. Пояс она нащупала в левом кармане, а правая рука опустилась во что-то до того холодное, мокрое и мерзко шевелящееся, что Кира, забыв про головную боль, громко охнула и самым резким движением выдернула кисть из кармана. С нее на пол гардероба посыпались маленькие извивающиеся розовые черви. Некоторые особи прилипли к коже рук, никуда не падали, а продолжали хаотично извиваться и даже пытались куда-то ползти по ладони и пальцам. Кира содрогнулась от отвращения, замахала облепленной червями рукой, чтобы те непременно куда-нибудь делась, но они никуда деваться не собирались. Девочка вынуждена была счищать их второй рукой. Черви прилипали и к ней. Кусая губы, Кира кое-как все же освободилась от гадких тварей, стащила с себя пуховик и с гримасой отвращения заглянула в карман. Там кишели черви. Их грязно-розовая масса шевелилась единым влажным организмом и, казалось, радостно прибулькивала при этом. Еле сдержав рвотный позыв, Кира захлопнула карман и в очередной раз сморщилась, и теперь уже не столько от боли, сколько от вновь накатившего приступа гадливости: сквозь строчки на бежевой ткани начали проступать бурые мокрые пятна. Все! Приехали! Мама ее убьет! Пуховик новый, дорогой! А что, если эта дрянь не отстирается? Другого Кире не видать, а как ходить с этими позорными пятнами? Впрочем, до того, как в пуховике ходить, надо, как минимум, выбросить из кармана червей! Но куда? Как? Она ни за что не сможет до них дотронуться!

От отвращения!

Кира опять прочувствовала дикую головную боль и тягостно выдохнула, с трудом сдерживая слезы. И что за день такой!

Она уже решила, что добежит до дома не только в балетках, а и без пуховика, который пока придется просто нести с собой под мышкой, но тут в гардеробе появился ее одноклассник Назар Иващенко. Он равнодушно скользнул по ней глазами, но, видимо, что-то успел отметить боковым зрением, поскольку тут же резко развернулся к Кире и спросил:

– Слышь, Никольская, ты чё такая... странная? С тобой все в порядке?

– Да так... – промямлила Кира.

– Вижу я, как тебе «так»! Чё случилось-то?

Девочка не ответила. Иващенко снял с вешалки чужого класса свою куртку, подержал ее в руках и опять повесил на место.

– Нет, Кирюха, ты мне определенно не нравишься! – снова начал он, пристально оглядывая одноклассницу. – Тебя кто-то обидел? Может, кому в морду дать?

Кира помотала головой, а потом, решившись, брезгливо поджала губы, ухватила двумя пальцами за ткань, пошире оттянула карман и обессиленно прошептала:

– Смотри...

Назар для чего-то немного потоптался на месте, потом почесал где-то за ухом, заглянул в Кириин карман, длинно при-

свистнул и глупо спросил:

– Ты чё, с ума сошла, мотыля в карманах носить?

– Кого? – не поняла Кира.

– Ну... этих... червяков... Мотыль называется... Для аквариумных рыбок!

Кира удивилась, что до сих пор еще не озадачилась вопросом, кто мог ей положить в карман червей. А действительно, кто мог такое сделать? Зачем? За что?

– Ты тупой, Иващенко? Какой идиот засунет в собственный карман такую дрянь? – рассердилась она и показала однокласснику бурые пятна на бежевой ткани, уже серьезно увеличившиеся в размерах.

– А кто?!

– А я знаю?!

– Я бы знал, кто меня так ненавидит!

– А вот я не знаю... – И Кира потеряла висок, который здорово ныл.

– Только не вздумай из-за этого реветь! – предупредил Назар, который неправильно истолковал ее жест.

– Я и не реву... Еще чего!

Иващенко смущенно потер еще и подбородок, потом лоб и попытался утешить:

– Да это ж ерунда! Подумаешь, какой-то мотыль... Не змею же подложили... Не анаконду какую-нибудь...

– Да лучше бы анаконду... – Кира изо всех сил постаралась улыбнуться. – Как теперь этих тварей из кармана выта-

щить?

– Да элементарно! Не такие уж они и твари! Черви, как черви! Я, например, сам червей для рыбалки копаю – и ничего!

– А мне они... противны!!!

– Ну, вот что! – Назар еще раз снял с вешалки свою куртку, накинул ее Кире на плечи, вытащил из ее рук пострадавший пуховик, командирским голосом приказал: – За мной! – и первым пошел к выходу. Кира поплелась за ним следом.

– Эх! Наверняка какой-нибудь аквариумист с удовольствием выгреб бы всего твоего мотыля для своих рыбок, – сказал Иващенко, когда они у же стояли на заднем дворе школы у помойных баков, – но не искать же нам этого аквариумиста... Я хотел червей – в бак, но, пожалуй, вывалю рядом – может птицы склюют...

Кира решила отвернуться. Ей было одинаково противно смотреть на червей хоть в баке, хоть рядом с ним.

– Ну вот... Все... Пустяки это... – через некоторое время проговорил Иващенко.

Кира повернулась к нему. Одноклассник протягивал ей пуховик. Девочка осторожно взяла его и заглянула в карман. Он был мокрый, грязный, но уже без червей.

– Спасибо, Назар! Если б не ты... – Кира попыталась еще раз улыбнуться, но у нее не получилось. В ухе больно стрельнуло.

– Да ладно... Подумаешь, мотыль какой-то... – отозвался

смущенный Иващенко, опять потоптался на месте, что видимо, было его привычкой, и сказал: – Ну... это... я пойду... Ладно? Куртку, может, завтра в школу захватишь?

До Киры только в этот момент дошло, что одноклассник стоит перед ней на ветру в одном тонком джемпере, да и она со своим стреляющим ухом – с голой головой.

– Возьми сейчас! – спохватилась она, стаскивая с себя его куртку. – Как ты раздетым-то? Я же во-о-он в том доме живу. Совсем рядом! В две минуты добегу!

– Ну... гляди... – Иващенко надел куртку, махнул Кире рукой и пошел в противоположную от ее дома сторону.

Дома, испытывая дикое омерзение, Кира застирала карман пуховика и до прихода мамы даже успела высушить мокрое пятно феном. Конечно, некоторые разводы на ткани остались, но человек, незнакомый с происшествием, никогда не смог бы предположить, что несколько часов назад в кармане кишели и извивались живые черви под названием – мотыль. Мама и не предположила. Да, собственно, Кира и не дала ей никакого повода вообще что-то предполагать относительно пуховика. Она повесила его в коридоре на плечики, а карман скрыла под длинным концом шарфа.

К ночи стало понятно, что вовсе не ухо ныло и стреляло у Киры от головной боли, а как раз наоборот. Врач «Скорой помощи» диагностировал у нее острый отит, от которого голова и болела, сделал жаропонижающий укол, строго ве-

лел лежать и обещал завтра прислать на дом отоларинголога. Кира лежала с удовольствием, поскольку ни на что другое сил у нее не было. Мысли то и дело возвращались к изгаженному пуховику. В конце концов, его теперь можно отдать в химчистку. Свежее пятно, наверняка легко отчистят. Теперь, когда пуховик перестал волновать девочку, перед ней опять встали два вопроса «Кто это сделал?» и, главное, «Зачем?» Она перебирала и перебирала свои поступки за прошедший месяц, и выходило, что никому не сделала такого зла, за которое ее можно было бы наказывать червями. Пару недель назад она, правда, из принципа не дала своей приятельнице Любашке Зиминной списать домашку по физике, но та и не обиделась вовсе, поскольку элементарно списала у кого-то другого. Они с Любашкой даже потом вместе на дискотеку в клуб «Фрегат» ходили, и Зимина ни разу не вспомнила физику. А на прошлой неделе Кира пришла в школу в такой интересной блузке, что Регинка Соловьева, икона стиля их класса, от зависти весь день ходила с кривым лицом. Но, во-первых, пуховик – он не блузка и ни в чем не виноват. Во-вторых, классная Марьяша в тот же день запретила Кире являться в школу в этой блузке, поскольку она, по ее словам, не настраивает на учебный процесс. Соловьяха тут же успокоилась. Да и вряд ли она стала бы своими холеными пальчиками накладывать Кире в карман омерзительных мокрых червей. Могла бы, конечно, кого-нибудь попросить, но зачем? Выходило, что незачем! И некому!

Через некоторое время, которое было потрачено на бесплодные размышления, Кира решила, что отит у нее никогда не пройдет, если она продолжит мучить себя червями. Надо, наоборот, думать о хорошем, что будет ее успокаивать и врачевать. Но, как назло, ничего хорошего в голову не лезло. Одно плохое... К чему-то даже вспомнилось, как она летом порвала любимые джинсы, зацепившись за торчащий из дерева сучок.

В конце концов, измученная температурой, ухом и мотылем бедная Кира заснула. Снились ей, разумеется, черви...

Глава вторая. Назар

Назар Иващенко литературу как школьный предмет не любил. Ему нравились точные науки. Он с удовольствием решал алгебраические примеры, геометрические и физические задачи, легко справлялся с заданиями повышенной сложности и даже пару раз брал первые места в городских олимпиадах по этим предметам. Урок литературы казался ему пустой тратой времени, которое он с куда большей пользой потратил бы на любимые точные науки или на компьютерные стрелялки. Но выбирать не приходилось. Назар сидел на литературе и скучал. Уже третья по счету девчонка читала наизусть письмо Татьяны из «Евгения Онегина». Каждая по-своему изображала из себя Татьяну, что, конечно, Назара несколько развлекало, если не сказать – смешило. Красавица Регина Соловьева, разумеется, Назару нравилась, но все же не настолько, чтобы воображать себя Онегиным, которому письмо адресовалось, и ловить каждое ее слово. Он даже находил, что Регина напрасно так трагически завывает и закатывает глаза. Если уж этому Евгению плевать на Татьяну, то вой – не вой, пиши письма – не пиши, выхода годного все равно не будет. Вот, например, Соловьева никогда никаких писем Назару не писала, а он с удовольствием сходил бы с ней в кино или кафешку. Или даже в клуб на дискотеку. Чтобы только с ней. Без приятелей. А что? Здорово бы

было! А вот с Леркой Кузичевой ни за что никуда не пошел бы, несмотря на то, что она только что пушкинский текст гораздо лучше Регины читала, а в прошлом году в день влюбленных прислала ему валентинку с предложением нежной и преданной дружбы. Она именно так и написала: «Предлагаю тебе свою нежную и преданную дружбу». В общем, «я к вам пишу, чего же боле...» Но не нужна ему ее дружба вообще никакая, а нежная и преданная – как раз «тем боле», как выразился бы Александр Сергеевич. И вот он, Назар Иващенко, должен битые сорок минут слушать про страдания Татьяны Лариной, которая, вроде Лерки Кузичевой, никому не нужна. Нет, конечно, какой-то престарелый генерал потом на этой Татьяне женится, но, видать, ни один молодой парень с ней так и не смог договориться. Еще бы! «Она любила на балконе предупреждать зари восход!» Кому это надо-то? Когда заря восходит, нормальные люди еще спят! Или взять этого странного Вовчика Ленского. И чего ему взбренило стреляться из-за какой-то девицы? Да этих девиц кругом...

Назар не успел додумать эту интересную мысль до конца, поскольку очередное «письмо Татьяны» было прервано девичьим визгом. Иващенко обернулся на визг. Та самая Кузичева, которую он только что вспоминал, держала в руках тетрадь. На ее развороте клубился мотыль. Лера уже не визжала. Она застыла с выражением ужаса на лице, очевидно не в силах даже положить тетрадь на стол. Назар тяжело вздохнул, поднялся со своего места, не без труда вытащил из рук

Кузичевой тетрадь и пошел к выходу из класса. Литераторша, тоже округлившая глаза от удивления и неожиданности, его не остановила.

Молодой охранник Кирилл не хотел выпускать Назара из школы без разрешения учителя.

– Тогда выложу эту красоту вам прямо на кроссворд! – пообещал Иващенко и сунул тому под нос тетрадь с мотылем.

Кирилл в ответ вдруг широко улыбнулся и спросил:

– А тебе самому это не надо?

– А на что?

– Рыбкам!

– Нет у меня рыбок!

– А у меня есть!

– Возьмете?

– А то! – Кирилл достал из ящика стола смятый прозрачный пакет, видимо, от уже съеденных бутербродов, и ссыпал туда червей с тетради Кузичевой, полюбовался шевелящимся розоватым комком и крикнул в спину уходящему Иващенко: – Ты еще приноси, если что!!

Оставшиеся двадцать минут урока литературы для Назара пролетели незаметно, поскольку он напряженно размышлял о том, какой может быть смысл в мотыле? Для чего уже второй девчонке их класса кто-то подкладывает червей? Понятно, что не на радость. На радость подсовывали бы цветочки-лютики или шоколадки. И ведь изощряется гад! Одной светлый пуховик испоганил, второй – тетрадь по лите-

ратуре. Аккуратистка Лерка на уроках все наспех записывает в блокнотики, а потом дома красивым почерком переписывает в тетрадки разноцветными ручками, украшает виньеточками и картиночками в тему. И тут вдруг прямо среди виньеточек извивается мотыль! Бедная Кузичева! В самую душу плюнули! Но зачем? Лерка существо абсолютно безобидное! Или, как предполагается, в тихом омуте черти водятся? Или черви? Назар еле удержался, чтобы не расхохотаться собственной придумке. Хорошо, что тут же прозвенел звонок с урока, и уже можно было с чувством весело и молодецки гыгнуть. И не только по поводу собственного остроумия. Было радостно, что его на литературе не спросили. И еще выяснилось, что литераторша Агния Петровна не успела проверить сочинения 9 «А». Если бы успела, то Назар наверняка получил бы три с минусом, если не лебеда. Ну не получают у него сочинения! Не писатель он! В общем, сегодня он домой ничего плохого не принесет, а потому можно отправиться в столовку и что-нибудь на радостях съесть.

В столовой за винегретом с котлетой Назару почему-то опять не к месту подумалось про червей. Кире их могли подложить, когда угодно. В гардероб всегда можно беспрепятственно пройти мимо охранника и так же свободно выйти из него обратно. Кирилл даже не пошевелится – много чести за каждым следить. А вот Кузичевой мотыля могли подложить только на перемене перед литературой. Она была вторым уроком, так что до нее тетрадь все время была в Лерки-

ной сумке, и добраться до нее никто не мог. Перед литературой они все забросили свои сумки и рюкзаки в кабинет и вышли. Агния Петровна обычно никого в классе на перемене не оставляет. О-па! Неужели это Агния Петровна мстит девчонкам 9 «А» мотылем?! От очередной своей забавной придумки Назар чуть не подавился остатком винегрета. Откашлялся, запил его вишневым соком и хотел уже отправиться к кабинету биологии, но на соседний с ним стул опустилась Кузичева.

– Спасибо тебе, Назар, – ярко пылая щеками, выдохнула Лера. – Если бы не ты...

Иващенко поспешил ее перебить, чтобы разговор, который ему был абсолютно неинтересен, не затянулся:

– Да ладно, Лерка! Пустяки! Пошел я...

– Подожди, – задержала его Кузичева, тяжело вздохнула и спросила: – А ты не знаешь, кто это сделал? Зачем?

– Откуда мне знать! – Назар все же поднялся. – Да не бери ты в голову! – Он по-отечески похлопал одноклассницу по плечу и понес грязную посуду к мойке.

Когда он зачем-то обернулся на выходе из столовой, увидел, что Кузичева все еще сидит на месте, уставившись в стол. Назару сделалось ее жалко, но он ничего не мог для нее сделать. Уж для Леры Кузичевой он точно не станет проводить никакого расследования. И, возможно, вообще ни для кого. Но вот если ему подложат червей, он этого так не оставит! Эгоизм? Возможно!

Глава третья. Любашка

Люба Зимина, которую абсолютно все, даже учителя, называли Любашкой или, в крайнем случае, Любашей, спешила в гардероб, перепрыгивая через две ступеньки школьной лестницы. Через час у нее должен был начаться урок сольного пения, на который она никак не хотела опаздывать. В музыкальную школу «Аллегро» надо было ехать на троллейбусе, и если она не успеет на тот, который должен подойти к остановке через десять минут, то опоздать придется, при этом молодая и строгая преподавательницы Милена Аркадьевна рассердится, и урок выйдет всмятку.

Любашка прибавила скорости. Уже в дверях, которые вели в гардероб, она чуть не сбила с ног завуча Нонну Матвеевну. Нонна наверняка задержала бы ее и долго нудила бы о том, как ученице подобает вести себя в школе вообще и на лестнице, в частности, но, похоже здорово торопилась по своим завучевским делам. Она прямо на ходу только лишь сурово сдвинула нарисованные брови и погрозила Зиминной пальцем с длинным перламутровым ногтем. Любашка прокричала вслед завучу извинение и быстренько нырнула сначала в одну дверь – ведущую в вестибюль, а потом во вторую – в гардероб. Одним движением она сдернула с вешалки свою белую куртку и пакет с сапожками, быстро надела их вместо легких туфелек и пробежала к выходу из школы.

Куртку она натягивала на ходу, и к троллейбусу успела тютелька-в-тютельку: заскочила в его салон последней из пассажиров, и двери за ее спиной моментально захлопнулись. Любашка уже протянула водителю проездной билет, но тот посмотрел мимо нее, на что-то нажал на своем пульте управления, и опять зашипели, открываясь, двери. Девочка обернулась. В троллейбус заскочила одноклассница Лена Зуева, которая в этой же музыкальной школе «Аллегро» училась играть на скрипке. Любашка улыбнулась ей, протянула водителю проездной и, когда тот считал с него информацию, прошла поглубже в салон. С Леной она была в хороших отношениях, но не дружила, а потому разговаривать им было особенно не о чем. На последних сидениях троллейбуса в рабочее время никого не было. Любашка села спиной к салону, чтобы, не раздражая немногочисленных пассажиров некрасивыми ужимками, проделать несколько упражнений для дыхания. Она уже открыла рот и сложила губы буквой «о», когда ей показалось, что правый бок чем-то неприятно холодит. Она перевела взгляд на свой бок и тут же схлопнула «о», препротивно клацнув зубами: на белом поле куртки расплывалось мокрое коричневатое пятно. Любашка принялась за исследование, и обнаружила в кармане комок маленьких шевелящихся червей. Возможно, она не сразу поняла бы, что это черви, если бы не видела, как точно такие же шевелились в тетради Леры Кузичевой. Назара Иващенко, который избавил Лерку от червяков, в троллейбусе не было, а потому

Любашка решила обратиться к Зуевой. Лена сидела впереди, спиной к ней и не знала о ее страданиях.

– Ленка! – Ты видела сегодня у Кузичевой в тетради червяков? – спросила она, подсев к однокласснице.

– Ну... видела, – отозвалась Зуева. – И что?

– А то, что... В общем, смотри! – И Любашка оттопырила карман своей белой куртки, который белым уже не был.

– Фу, какая гадость! – сморщилась Лена.

– Ага! Самая гадостная гадость! А как ты думаешь, кому это надо?

– Что?

– Как это что?! Червей нам пихать, вот что!!!

– А я откуда знаю?

– Ну, ты ж умная! Отличница! Какие у тебя есть предположения?

– Никаких... Откуда мне знать... Это, знаешь ли, в школе не преподают!

– В общем, так, Ленка! – Любашка рубанула рукой воздух. – Сама понимаешь, петь я с этими червями не могу. Как-то не до песен. Куртку жалко – сил нет! Ты скажи моей Милене, что я... ну... например, заболела. Ладно?

– Так она же потом справку от врача потребует!

– Это все будет потом! А сейчас мне надо с червями расправиться! – и Любашка отправилась к выходу из троллейбуса – ждать первую же остановку.

Любашке удалось отстирать куртку от червей без последствий. Со скользкого синтетического материала пятна отошли мгновенно. Куртка и высохла быстро, вновь засияв первозданной белизной, но успокоиться девочка не могла. Она позвонила Кузичевой. Лерка тоже пострадала от червячного маньяка, а потому им было, что обсудить. Кузичева почему-то не откликнулась, и Любашка решила позвонить Кире Никольской. Они не дружили с Кирой. Скорее, приятельствовали, но Любашка была бы не против сойтись с ней поближе. Кира ей нравилась даже тем, что не давала списывать. То есть, давала, но не всегда. Часто она говорила: «Хорош кормиться на халяву! Мозги-то надо хоть иногда напрягать!» Никольской не было уже три дня в школе, а потому повод ей позвонить и без разговора о червях был.

– Ну, как болеется? – спросила Любашка, когда трубка отозвалась Кириным голосом: «Алло!».

– Хорошо болеется! Мне нравится! Смотрю сериалы, и никто не нудит над ухом, что надо делать уроки!

– Да! В этом смысле болеть – одно удовольствие! А что-то болит-то?

– Ухо! Но уже меньше.

– А поговорить с тобой можно? Больному уху не повредит?

– Конечно, можно! Как там в школе-то?

– У нас такие дела в классе творятся, ты даже представить себе не можешь! – И Любашка принялась рассказывать по

порядку, то есть, сначала о Кузичевой.

– Не может быть... – со странной интонацией отозвалась Кира, когда Любашка закончила рассказ о Лериной тетрадке по литературе.

– Еще как может! Лерка аж позеленела вся! А визжала на весь класс, как десять поросят! А Иващенко, прикинь, таким героем оказался! Все парни сидят, глаза по пять рублей, а он просто встал и вынес Леркиных червей из класса! Красиво так! Элегантно! Мы с девчонками на него прямо другими глазами посмотрели! А Лерка вообще... Ну ты понимаешь!

– И опять Назар?

– Что значит «опять»? – Любашка спросила, но ответ ей слушать не хотелось, поскольку надо было еще и про себя рассказать. – Ты лучше слушай дальше!

– И снова рядом был Иващенко? – спросила Кира, когда Зиминая закончила о себе очередным «Ты представляешь?!»

– Нет, мне не повезло! – Любашка рассмеялась. – Пришлось самой. В мусоропровод червей вывалила. Но я бы была не против, если бы Назар и мне помог. Он прикольный! Я раньше его вообще не замечала, а после червей... Да ему теперь все наши девчонки глазки строят! Вот вроде бы ничего особенного не сделал, а вышло все равно по-особенному! Все парни теперь локти кусают, что не догадались такой поступок совершить!

– Ну да... Поступок... – задумчиво произнесла Кира и продолжила уже более решительно: – А теперь послушай ме-

ня! – И она рассказала Любашке о своей червивой истории.

– Во как! – только и смогла проронить Зими́на.

– Да, вот так! И, знаешь ли, мне совсем не нравится, что в двух случаях из трех Иващенко был рядом. Может, он и в троллейбусе с тобой ехал, а ты не заметила?

– Нет, не заметить было нельзя. Троллейбус был полупустой. Я же заметила Ленку Зуеву. Мы вместе ехали, потому что в одной музыкалке занимаемся.

– Но Ленка же не станет червей подкладывать!

– Не станет... А с другой стороны... кто знает, что у этой тихони на уме!

– Знаешь, Любашка, а я думаю, что Иващенко просто не ожидал, что ты так резко в троллейбус запрыгнешь, и не смог насладиться твоей реакцией.

– Ты ду-у-у-умаешь... – с сомнением произнесла Зими́на, но потом резко отмела подозрение Киры. – Нет! Это не он! Зачем ему подкладывать червей и самому же с ними бороться? Ерунда какая-то получается.

– Пожалуй, – согласилась Кира. – Но кто же тогда? И, главное, зачем? Или почему? Вспомни, может, ты кому-нибудь нечаянно навредила, и он теперь мстит?

– Вроде, никому... Не помню я. А ты? Вредила, что ли?

– Нет... Тоже ничего не могла вспомнить...

– И что нам теперь делать? – Любашка вздохнула. – Как-то все это подозрительно...

– Я, пока болею, ничего сделать не смогу, – отозвалась

Кира. – А ты смотри в оба?

– В смысле?

– А в том смысле, что надо выследить, кто все это делает?

– Думаешь, еще кому-нибудь червей покинут?

– Все может быть! Чем-то это все должно же закончиться!

На следующий день Любашка приглядывалась к одноклассникам. Все, как один, казались подозрительными. Особенно Регинка Соловьева и тот же Иващенко. Конечно, Назар, помог Кузичевой избавиться от червей, но, может, это был просто хитрый ход с его стороны – чтобы не заподозрили. А Соловьева с самого утра как-то особенно презрительно поджимала губки и все время что-то искала в своей моднучей сумке. Любашке казалось, что она таким образом проверяет, не сдохли ли ее любимые черви, зажатые кучей учебников, пособий и общих тетрадок. Дохлые черви, конечно, тоже неплохи, но шевелящиеся куда противнее. После третьего урока Любашка даже специально попросила у Регинки двойной листок. И специально – на перемене, чтобы той пришлось лезть за ним в сумку. Но Соловьяха была не проста, сразу сказала, что никаких двойных листков у нее нет, поскольку все ее тетради на спиральках. Разумеется, Любашкины подозрения своим отказом Регина только усилила. В конце концов, Соловьева сама подкараулила Любашку на повороте одного из школьных коридоров, неожиданно гавкнула ей в самое ухо и потребовала:

– Так! Колись, Зими́на! Чего ты ко мне прилипла? Что тебе надо? Хочешь, два чистых листка вырву, а ты их скрепочкой соединишь?

Любашка с минуту подумала и решилась спросить прямо:

– Это ты нам с Леркой и Ки́рой червей подкинула?

– Червей? Вам? Еще и с Ки́ркой?! – Соловьева расхохоталась. – Ой, не могу! Тебе, значит, тоже насовали? Куда? В какую тетрадь? Ох, кто-то и не любит же вас с Кузичевой и Никольской! Ох, не любит!

Регина еще продолжала смеяться, а Любашка уже шла к спортивному залу на физкультуру. По пути ей встретился Назар Иващенко и, как показалось Зиминой, весьма издевательски улыбнулся. Поскольку следить за Назаром в раздевалке для мальчиков было невозможно, Любашка решила расслабиться и на некоторое время забыть про червей. Но после физкультуры она дождалась, когда Назар выйдет из своей раздевалки и, как ей казалось, непринужденно пошла за ним, якобы, по своим делам. Видимо, из Любашки сыщик был никакой, потому что, в конце концов, и Иващенко резко развернулся и спросил в стиле Регинки:

– Колись, Зими́на, чего тебе от меня надо?

Любашка решила и от него не скрывать своих намерений. Чего уж теперь! Не придумывать же очередную глупую причину, вроде двойных листков!

– Зачем ты нам червей подкладываешь?! – строго спросила она.

– Я?! Червей?! Вам?! – очень натурально рассердился Иващенко. – Совсем с ума сошла, да?

– А кто тогда?

– Ну, даешь! Как будто, кроме меня, некому!

– Может, и есть кому, только как это узнать!

– А тебе-то, Любаха, что за дело до червей? Ты за кого переживаешь, за Кузичеву или за Никольскую?

– За обеих и за себя в том числе!

– Да-а-а-а... – протянул Назар, когда Любашка рассказала ему и свою историю. – Действует, явно, женоненавистник!

– Почему?

– Так ведь только девчонкам мотыль подкладывает!

– Точно... – вынуждена была согласиться Любашка. – Значит, это делает кто-то из парней. Пораскин-ко мозгами, Иващенко, кто из парней может этим заниматься!

– Это ты пораскин-ко своими! Может, вам с Кирой и Леркой кто-нибудь нежную дружбу предлагал, а вы ему отказали, вот оскорбленный вам и мстит?

Любашка на минуту задумалась, но быстро нашлась:

– Не-е-е-е... Лерка уж больно страшенькая... Она никому не нравится... Да и мне, если честно, никто никакой дружбы не предлагал...

– Тогда давай прикинем! – Видно было, что Назар уже вошел во вкус расследования. – У нас четырнадцать парней. Минус я и Прохоров.

– Ага, он уже второй месяц в больнице лежит, бедолага, –

согласилась Любашка.

– Минус Вербицкий и Осипчук. Они в тот день, когда Ки-ре червей подложили, в школе не были, их на соревнования по легкой атлетике услали.

– Ты это так хорошо помнишь?

– Помню, потому что их встретил, когда с Никольской у школы попрощался. Таким образом, остается десять человек.

– Немало, – огорчилась Любашка.

– Вспомнил! – воскликнул Назар. – Можно еще Калитина исключить, потому что он в тот самый день, когда Лерке червей подложили, пришел в школу к третьему уроку, то есть, уже после этого происшествия – у зубного был. До биологии я один за столом сидел.

– Все равно девять подозреваемых, это очень много...

Звонок прервал их разговор, и они поспешили на второй этаж на урок английского языка. Английскому они учились в одной группе, а потому вошли в кабинет бок-о-бок, что вызвало приступ веселья у некоторых из одноклассников. Классный клоун Борька Ракитин даже пропел: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Назаре и Любетте!» За это он получил от Иващенко легкий подзатыльник, а Любашка, кивнув на Борьку, сказала Назару:

– Этот точно не стал бы... Ему бы только хиханьки да ха-ханьки...

Иващенко в ответ лишь пожал плечами.

Когда учительница английского языка Эльза Николаевна предложила открыть тетради с домашним заданием, со своего места вскочил бледный Игорь Зайцев и истерично прокричал: «Какой гад это сделал?!»

В развороте его тетради шевелился клубок грязно-розового мотыля. Эльза Николаевна пыталась продолжить урок, но Зайцев успокоиться не мог и через определенные промежутки времени сообщал классу, что тот, кто это ему устроил, очень скоро обо всем пожалеет. Когда измученная учительница выслала его из кабинета, чтобы выбросить тетрадь вместе с червями, Любашка написала Назару записку:

«Женоненавистник не причем. Зайцев – не девочка. Все расчеты надо начинать сначала. У нас в группе двенадцать человек. Минус я и ты. Целых десять подозреваемых!»

Назар прислал Любашке ответ, который ее здорово огорчил:

«Никто не мешал зайти в наш кабинет любому человеку из другой английской группы. Это же наши одноклассники. Никто бы им не удивился. Так что подозревать можно вообще весь класс за исключением самих пострадавших, больных, спортсменов и меня. Я точно червей не подкладывал! Честно!»

Глава четвертая.

Коричневая папка

Лена Зуева, держа в руках полиэтиленовый пакет с открытым видом Санкт-Петербурга, подошла к оживленно разговаривающим у окна рекреации Назару Иващенко и Любашке Зиминой. При ее появлении те сразу резко замолчали.

– Мне поговорить с вами надо, – тихо сказала Лена.

– Ну? – нетерпеливо произнес Назар. Ему явно не терпелось продолжить прерванный разговор с Любашкой.

Лена нервно облизнула губы и почти прошептала:

– Это я...

– Мы видим, что это ты... – начала Любашка и осеклась. Похоже, ей не хотелось верить в то, что вдруг пришло в голову.

Лена проглотила неприятный комок, который разросся в горле, и уже более громко и четко сказала:

– Это я подкладывала мотыль...

– Ты?!! – все же не могла не удивиться Любашка, хотя именно это минуту назад пришло ей самой в голову. – Ну, ты дала, Зуева! Да я во всех зоомагазинах скуплю этот чертов мотыль и полную сумку тебе насыю! И полные карманы! И еще...

– Погоди, Любашка! – прервал ее возмущения Иващенко.

ко. – Давай-ка выслушаем, зачем она это делала. – И он очередной раз рявкнул в сторону Лены: – Ну?!

Лена вздрогнула, но своих глаз от Назаровых не отвела и ответила:

– Мне проверить надо было...

– Проверить? – Любашка аж покраснела от возмущения. – Ну, ты, Зуева и мерзавка! Что ты проверяла? Испортится ли у меня куртка и влетит ли мне от родителей?

– Нет, конечно... Я сначала на себе попробовала... – Лена старалась отвечать спокойно. – Следы от червей легко стираются и отмываются...

– А как же Леркина тетрадь и Зайцевская? Их не отстираешь!

– Да, я потом пожалела, что Кузичевой тетрадь испортила, а Зайцеву... Ему – поделом! Его никто в классе не любит...

– Жаль, я не знала, что это ты червей подсунула, – продолжила возмущаться Зимина, – а то бы я тебя пригласила куртку стирать! И ты прикинь, Назар, мы с ней вместе в троллейбусе ехали! Я ей карман с червями показываю, а она невинной овечкой прикидывается! Мол, не знаю, кто это сделал, то да се... Вот ведь какая!!!

Назар схватил Любашку за руки, которыми она размахивала перед носом Лены и уже раздраженно крикнул:

– Да угомонись ты!! Дай же ей объяснить, зачем это все понадобилось?

– Ага! Пусть объяснит!! А то у меня прямо руки чешут-

ся! – из-за плеча Иващенко тоже выкрикнула Любашка.

Лена тяжело вздохнула и предложила:

– Давайте поднимемся на четвертый этаж и я покажу вам это. – Она скосила глаза на свой пакет с Петербургом, который держала в руках. – Здесь народу слишком много.

Назар с Любашкой согласились. На четвертом этаже находились зимний сад, актовый зал, закрытый в отсутствие мероприятий, медицинский кабинет, кабинет завхоза и прочие помещения, неизвестного школьникам назначения. Народу на четвертом этаже не должно быть много даже в зимнем саду. Школьники предпочитал на переменах проводить время в рекреациях недалеко от кабинетов, в которых должны начаться уроки. С четвертого этажа пока добежишь, непременно опоздаешь.

Когда одноклассники расположились в зимнем саду на длинной скамейке у окна, Лена достала из своего пакета старую коричневую папку с протертыми до дыр уголками.

– Вот смотрите, – сказала она, – я нашла эту папку в канникулы на чердаке старого дома. В нем никто не живет. Мы с родителями его осматривали... Моя бабушка хочет из деревни перебраться поближе к нам. Старенькая она уже... А тут дом продается... ну... вы знаете... недалеко, за рекой, где сохранилась улица деревянных домов... Они такие красивые что их решили не рушить. Достопримечательность нашего района. А у того дома еще ступени такие каменные... как в кино... Папе очень этот дом нравится. Он говорил, что мож-

но попытаться его отреставрировать... Его и продают недорого, потому что он сильно разрушен...

– Ты, Зуева, про свою бабушку, папу и кино нам зубы не заговаривай! – опять возмутилась Любашка. – При чем тут черви?

– Ты можешь немного помолчать? – опять раздражился Назар, и Любашка затихла.

Лена виновато посмотрела сначала на Назара, в котором ей виделся защитник, потом на Зимину, открыла папку и вытащила из нее ветхий, с осыпающимися краями, побуревший от времени лист.

– Я сейчас вам прочитаю... Только не смейтесь... Мы не можем знать, насколько это серьезно... Вот что тут... – Она ткнула пальцем в витиевато написанный текст и принялась читать:

ТЫ, КОМУ В РУКИ ПОПАЛ ЭТОТ ДОКУМЕНТ, ОТЫЩИ ЧЕТЫРЕХ ВЕРНЫХ ДРУЗЕЙ: ДА ДВУХ – ЖЕНСКОГО ПОЛА, А ДВУХ – ПОЛА МУЖСКОГО. ИСПЫТАЙ ИХ НА ХРАБРОСТЬ ГАДАМИ ПОЛЗУЧИМИ ДА СЕТЯМИ ПАУЧЬИМИ. А ЕЖЕЛИ НЕ ИСПУГАЮТСЯ, ТО НА СУХОЙ ЗЕМЛЕ НАЧЕРТИ КВАДРАТ, ВЫТЯНУТЫЙ С СЕВЕРА НА ЮГ. ЖЕНСКОГО ПОЛА ПУСТЬ ВСТАНУТ В СЕВЕРНУЮ И ЮЖНУЮ ВЕРШИНЫ, А МУЖСКОГО – В ВОСТОЧНУЮ И ЗАПАДНУЮ. НАШЕДШИЙ ЖЕ ДОКУМЕНТ, ПУСТЬ ВСТАНЕТ В ЦЕНТР КВАДРАТА. И ТОГДА БУДУТ НАКАЗАНЫ

ВАШИ ЗАКЛЯТЫЕ ВРАГИ.

– Что за ерунда: квадраты какие-то, пауки? – расхохоталась Любашка. – Прямо детский сад! Младшая группа!

Назар, не торопясь с выводами, взял у Лены папку и стал ее разглядывать:

– Кожаная вроде... А лист очень-очень старый! Хрупкий, осыпается... А после завитков тут еще что-то написано... Непонятное... Ты разобрала?

– Нет, какой-то набор букв, – огорченно сказала Лена. – Мне кажется, что эта буквенная вязь находится здесь просто для украшения. В общем, вполне хватит и того, что можно прочесть. Помогите, ребята! Мне очень надо наказать одного заклятого врага. Я прямо не знала, как мне с ним справиться, а тут такая находка.

– Неужели ты веришь во всю эту средневековую белиберду? – все так же саркастически улыбаясь, спросила Любашка.

– Ну... попробовать-то можно... – Лена просяще смотрела на друзей.

– Интересно, кто же у тебя заклятый враг, Зуева? – продолжила наступление Любашка. – Что он тебе такого сделал?

– Это сосед мой... Витька... Воротников. Вы его знаете. Он сейчас в колледже учится, а в прошлом году – нашей школе, в 9-ом «В».

– И чем тебе Воротников не угодил?

– Он... В общем, он обещал отравить моего Лорда...

Честное слово!

– Серьезная заявочка, – посочувствовал Назар. – Но, может, он просто попутать решил?

– Нет, он каждый раз с такой ненавистью на Лорда смотрит, что прямо страшно. Улыбается еще... хищно так... Несколько дней назад сказал, что и отраву уже нашел...

– Может, просто родителям на него пожаловаться?

Лена опять вздохнула. Ей не хотелось рассказывать одноклассникам, что отчиму жаловаться нет смысла. Он сам спит и видит, чтобы Лорда извели. Лорд его сразу не полюбил, все время огрызается, рычит на него. А мама любит этого своего Пашеньку. Ей тоже глупо жаловаться. Не променяет она своего нового мужа на Ленину собаку. А Лорд, огромный черный пудель, любил только Лену. Никого к ней не подпускал, на всех лаял и норовил ухватить за ногу. Соседу Витьке от Лорда тоже здорово доставалось. Однажды он ему даже джинсы порвал. Конечно, можно было бы пожаловаться отцу, который теперь живет в другой семье, но делать это Лена ни за что не стала бы. Она редко виделась с отцом, и ей не хотелось, чтобы он в эти встречи отвлекался от нее на Витьку.

– Да не буду я жаловаться, – сказала наконец она. – Я уж как-нибудь сама. Тем более, что такая папка вдруг в руки попала. Вдруг поможет?

– Но ведь последнюю надпись прочитать не удалось, – напомнил ей Назар. – А вдруг там написано, что врага накажешь, сама превратишься, например... в крокодила!

– Да ну! – отмахнулась уже заинтересовавшаяся Любашка. – Уж это бы точно написали! Предупреждения всегда писались прямо: направо пойдешь – свою смерть найдешь... налево пойдешь... и прочее в том же роде...

– То есть, ты уже раздумала считать это средневековой белибердой и младшей группой детского сада? – Назар рассмеялся.

– Скорее всего, белиберда и есть, а потому ничто не может нам помешать попробовать в этом поучаствовать! Тем более...

– Что? – с надеждой спросила Лена.

– Тем более, что у меня, пожалуй, тоже есть враг! И я очень не прочь его как следует наказать! – с напором закончила Любашка и даже сурово сдвинула брови.

– У тебя-то кто? – удивился Назар. – Ты, вроде, со всеми в самых лучших отношениях!

– Ну... неважно... – ответила Любашка. – Только враг отличный, первоклассный! Просто пальчики оближешь! Пожалуй, я с тобой, Зуева! Даже куртку тебе прощу! Так и быть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.